

УДК 008:821.161.1.09"196/197"(045)

*Е.Г. Серебрякова***ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ
К ИССЛЕДОВАНИЮ СОВЕТСКОГО ДИССИДЕНТСТВА 1960–70-х ГОДОВ**

В статье представлена динамика научного осмысления диссидентства. Автор выделяет в европейском и отечественном гуманитарном сознании несколько этапов научной рефлексии и анализирует специфику различных подходов к феномену. На Западе первый этап пришелся на 1960–70-е гг., т.е. на период возникновения диссидентства в советском обществе. Советологи, представители «тоталитарной школы», были солидарны с оппозиционерами в их борьбе с советской властью, что определяло специфику научного дискурса: анализ политических практик диссидентов сочетался с героизацией оппозиционеров, советский строй оценивался как тоталитарный и антигуманный. «Ревизионисты»-советологи 1970–80-х гг. отрицали линейное развитие советской истории от большевизма к сталинизму, считали оппозиционные настроения части граждан универсальным свойством индустриального общества как в Европе, так и в Советском Союзе. В отечественной науке изучение диссидентства началось во второй половине 1980-х гг. и было парафразом советской историографии: диссидентское движение осмысливалось как этап революционной борьбы советского народа с тоталитаризмом. Постмодернистский подход к типологии советского человека, сложившийся в европейской и отечественной науке на рубеже XX–XXI вв., провозгласил человека лингвистической конструкцией, не различал официальный и оппозиционный дискурсы. Постмодернисты осмыслили диссидентов как инвариант партийных идеологов. В современной российской науке интерес к исследованию диссидентства значительно снизился. Однако изучение дискурсивных практик диссидентов способно дать новое направление исследовательской мысли и преодолеть схематизм постмодернистского подхода к феномену.

Ключевые слова: советский нонконформизм, диссиденты, диссидентский дискурс.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-387-394

Динамика современной культуры столь высока, что, казалось бы, подробно изученные феномены нуждаются в дополнительном осмыслении в соответствии с новыми культурными вызовами, актуализирующими в них дополнительные смыслы и значения. В полной мере это относится к советскому диссидентству, ставшему объектом интенсивного исследования во второй половине XX в., утратившему темпы изучения в начале XXI и требующему сегодня новых парадигм научной рефлексии.

Западные политологи и советологи, заложившие основы анализа советского инакомыслия в 1960-70-е гг., были сосредоточены главным образом на исследованиях социально-политических процессов, определивших возникновение оппозиции в советском обществе, и характеристике ее сущностных особенностей. Ученые оценивали жизнеспособность оппозиционных общественных движений в условиях советской политической системы и перспективы политических трансформаций в СССР (А. Брумберг, Р. Гауэр, Л. Джонс, П. Реддвей, В. Хейнс, Р. Л. Текеш, Н.Х. Уэсселл, С. Якобсон и др.) воспринимали движение протеста в СССР как вполне оформившееся и структурированное и производили идентификацию нонконформистских сообществ по степени их радикальности – критерию, значимому для политических прогнозов.

Семантика анализа советского диссидентства в те годы определялась работами «тоталитарной школы» (Э. и Г. Альт, Х. Арндт, З. Бжезинский, Б. Вольф и др.), представители которой осмысливали диссидентство в соответствии с собственным толкованием советской истории:

1. Советская политическая система тоталитарна, антигуманна, а значит, репрессивна по своей сути;
2. История советского строя непрерывна, на каждом этапе она продолжает тоталитарные тенденции, фактически не меняя их: сталинизм логично вытекает из ленинизма, послесталинский период не вносит качественных изменений в политический режим и общественное устройство;
3. Все советские люди угнетены тоталитаризмом, одурманены властью, и лишь лучшая и наиболее решительная часть общества способна подняться на сопротивление. При этом каждый гражданин ценен как морально независимая, автономная личность, бунт против государственного давления морально оправдан, более того, сопротивление органично «истинной» природе человека.

Все процессы в советском обществе исследователи объясняли «внутренней тоталитарной логикой», не видели разницы между официальной пропагандой и реальной жизнью. Очевидная тенденциозность их суждений, объяснимая логикой «холодной войны», задавала парадигму исследований: ученые

солидаризировались с морально оправданной позицией оппозиционеров и находили соответствующий научный дискурс. Инакомыслящие героизировались как борцы с тоталитаризмом, диссидентство трактовалось как движение протеста наиболее здоровой части советского общества против режима.

В эти же годы западные филологи столкнулись с неподцензурной советской литературой – самиздатом – и ощутили потребность осмыслить этот феномен. Безусловно, издательские стратегии «Посева» и «Ардиса» были различны, как и причины публикации за рубежом запрещенных в СССР текстов. В первом случае интерес определялся идеологическим противостоянием советскому режиму, во втором – вниманием к потаенным художественным процессам в советском искусстве. Однако общим было стремление западных издателей и филологов расширить представление читателей о советской литературе, морально и творчески поддержать гонимых на родине авторов. Благодаря их усилиям западные читатели познакомились не только с художественными текстами и публицистикой, но и с общественной позицией инакомыслящих. Личностная и гражданская позиция А.И. Солженицына, Ю.Т. Галанскова, А.Д. Синявского, Ю.М. Даниэля и др. идентифицировалась западными славистами как исключительная в советской писательской среде, литературное и социальное поведение трактовалось как борьба за свободу слова, одно из проявлений движения протеста в СССР.

В толковании семантики инакомыслия позиция филологов не слишком отличалась от подхода «тоталитарной школы»: самиздат изучался как явление, противостоящее официальной эстетике и идеологии, в целом нетипичное для характеристики советского типа личности, но показательное для оценки общественных тенденций – становления оппозиционных настроений в социуме.

Ограниченность данного подхода к советской истории и типологии советского человека вскрыла ревизионистская школа, изменившая «точку отсчета». Исследователи (С. Коэн, Ш. Фитцпатрик, Дж. А. Гетти, Л. Виола и др.) развивали несколько принципиальных положений:

1. Советская история неоднозначна, анализ не политической, а социальной истории дает ее более точное понимание;
2. Осмыслить общественные процессы можно через повседневные практики граждан и взаимоотношения различных социальных, национальных, гендерных слоев и групп;
3. «Советская политика» не равнозначна политике высшего руководства, на низшем уровне действовали более сложные и неоднозначные механизмы, вызывающие многообразные ответные реакции граждан;
4. Личность в советском государстве сохраняла автономность и реализовывала ее в поведенческих практиках, избираемых адекватно различным социальным обстоятельствам;
5. Советское общество неоднородно по комплексу взаимоотношений между гражданами и правительством. Разные группы населения воспринимали идеологические установки неоднозначно: спектр поведенческих моделей был весьма широк – от адаптации, «двоемыслия», пассивного подчинения до протеста;
6. Модернизационные процессы в СССР носили специфический характер, но соответствовали общемировым тенденциям индустриального общества. Следовательно, оппозиционность власти – одна из моделей поведения человека – так же органична советской общественной жизни, как и западной.

Представители «ревизионистской школы» значительно расширили представление своих коллег о типологии советского человека, заставив усомниться в поголовной идеологизированности сознания «простого советского человека» и снизив градус героизации борцов с режимом. В частности, Дж. Гетти [8] высказал сомнения в объективности информации, почерпнутой из мемуаров эмигрантов из Советского Союза, предположив, что эмигрантская трактовка принимается историками на веру из-за недоступности советских архивов. Ученый указал новый вектор научной рефлексии – анализ дискурсивных практик различных групп населения для реконструкции всего спектра типологических моделей советского человека.

Изучение инакомыслия в нашей стране началось со второй половины 1980-90-х гг. Заклейменные в прежние годы как «пособники империализма» и «пятая колонна», диссиденты были реабилитированы в глазах общественности как предшественники политической либерализации, перестройки и гласности. Инакомыслящие получили право голоса, участники диссидентского движения представили в мемуарах, публицистике, письменных и устных свидетельствах свою историю борьбы с режимом. Открытие архивных материалов значительно обогатило представление общественности и научного сообщества о подлинных механизмах взаимодействия власти и оппозиции, неоднородности диссидентского движения. В

дополнение к государственным архивам политической истории создавались некоммерческие организации, ставшие центром сбора архивных документов и изучения политических репрессий, включая после-сталинский период: общество «Мемориал» (1987 г.), Сахаровский центр (1996 г.) (Сахаровский центр признан иностранным агентом в декабре 2014 г., «Мемориал» – в декабре 2021 г.).

Изданный на рубеже 1980-90-х гг. обширный эмпирический материал, посвященный политическим репрессиям, утвердил в сознании отечественных историков представление о неизжитой и недостаточно проговоренной общественной травме. Научное сообщество откликнулось сосредоточенным исследованием характера взаимоотношений власти и общества, причин несостоявшегося диалога оппозиции и государства (Л.М. Алексеева, А.Б. Безбородов, А.А. Данилов, Ю.Ф. Лукин и др.), многообразия диссидентских течений в СССР. «Диссидентоцентризм» научных трудов тех лет (определение В.А. Козлова – Е.С.) представлял собой парафраз советской историографии революционного движения в России:

1. Репрессии власти в адрес оппозиции соответствовали духу командно-административной модели управления страной, незначительно трансформированной в ходе советской истории;

2. Инакомыслящие представляли передовой отряд советской интеллигенции. Их вклад в исторический прогресс велик: оппозиционеры формировали гражданское общество, способствовали перестройке и обновлению советской модели управления страной.

Показательно, что суждения советских ученых совпадали по духу с трактовкой западной «тоталитарной школы». Причина этого парадоксального на первый взгляд совпадения заключается не в заимствованиях западных суждений отечественными историками, а в глубинной ориентации и тех, и других на просветительскую парадигму в толковании исторического прогресса, согласно которой история движется поступательно, идеологическая борьба является одним из ее механизмов, общественное обновление может носить отложенный характер, но неизбежно и закономерно.

Филологи в те же годы получили возможность осмыслить феномен «самиздата» как общественно значимое культурное явление. Публикация запрещенных ранее текстов требовала нового осмысления литературного процесса. Усилия филологов были направлены на восполнение «белых пятен», публикацию запрещенных ранее текстов, что позволяло увидеть литературу XX в. во всей полноте и объеме, не разделенную на потаенную и официальную. Однако следует признать, что по сей день систематизация и каталогизация преобладают над монографическим осмыслением «самиздата» и его места в художественном наследии советских литераторов. Одна из причин – разрозненность архивов советского самиздата. Как отмечалось выше, в нашей стране самым крупным держателем текстов является общество «Мемориал». Другим крупным хранилищем является Государственная публичная историческая библиотека России (Москва). За рубежом советский Самиздат представлен в архиве Открытого Общества Венгрии и Германии. Кроме того, существуют частные архивы. Распыленность по разным книгохранилищам затрудняет анализ самиздата как целостного феномена. Не зная даже приблизительного количества текстов (исчисляется ли оно тысячами, а может быть, миллионами единиц хранения), исследователи не в состоянии ответить на многие важные вопросы: например, какова структура жанров самиздата, какие из них следует считать доминирующими и периферийными в общей системе, имелись ли принципиальные различия между жанровыми моделями официальной и потаенной литературы и проч.

Внимание культурологов 1990-х гг. было сосредоточено преимущественно на художественном андеграунде, что позволяло восполнить пробелы в понимании советской культуры как единого целого.

Как видим, отечественное научное сознание стремилось осмыслить не только феномен оппозиционного поведения и типологию личности инакомыслящего, но понять советскую эпоху как общественно-историческое явление, произвести ревизию прежних, марксистских методологических подходов к анализу управленческих механизмов, действовавших в советском обществе, вскрыть глубинные основания и законы функционирования политической цензуры.

К началу XXI в. в изучении диссидентства и феномена самиздата был накоплен значительный багаж: прослежено становление инакомыслия как общественного феномена, охарактеризованы взаимоотношения интеллигенции и власти, не только дана подробная классификация движения протеста, но и указаны мировоззренческие основания различных оппозиционных течений [1; 3; 6; 9; 11; 12; 15] составлены мемориальные сборники, посвященные знаковым фигурам оппозиционного движения [2; 21; 7; 18].

При этом поиск новых парадигм исследования не прекратился. Авторы сборника «КрамOLA. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежневe. 1953-1982 гг.» предложили новый вариант трактовки протестных настроений в советском обществе: через анализ «простонародной оппозиции», существенно влиявшей, по мнению ученых, на определение внутренней политики руководства страны. [13]. Данный

подход значительно расширяет социальный контекст анализа инакомыслия как явления советской общественной жизни и по-новому расставляет акценты в трактовке диссидентства.

Анализ культурно-антропологического типа советского человека был продолжен зарубежными и отечественными гуманитариями. Один из вариантов анализа самосознания советского человека, его социальных и культурных практик, поведенческих реакций и вариантов нарратива предложил постмодернизм, реализовавшийся в методологических подходах школы «советской субъективности». Авторы концепции (Й. Хельбек, И. Халфин, Дж. Фюст и др.), взяв за основу картезианский образ человека, трактуют субъективность как способность личности «мыслить и действовать, вытекающую из согласованного и целостного ощущения себя» (Й. Хельбек) [22]. Ее предложено анализировать через языковые практики власти, по мнению историков массово усвоенные советскими людьми и определившие их способности самооценок и созидания собственной личности. Основным средством формирования личности в рамках государственного дискурса считается язык, человек видится субъектом и объектом власти.

Данная методика была поддержана молодым поколением российских исследователей, представители которого зачастую попадали в западные вузы на сравнительно раннем этапе профессиональной подготовки и воспроизводили господствовавшие там новейшие направления и идеи. Так, некоторые постулаты и понятия М. Фуко («технологии себя», «технологии власти»), принятые за основу концепции «советской субъективности», получили дальнейшую разработку в трудах О.В. Хархордина и А.В. Юрчака [19; 22; 23]. О.В. Хархордин, изучив дискурсивные практики власти, пришел к выводу о том, что идентичность советского человека формировалась в процессе взаимодействия внешнего давления и способности человека к саморегуляции. Общество разоблачало пороки гражданина, а индивид соотносил себя с требованиями социума и корректировал личностные недостатки. А.В. Юрчак декларировал необходимость отойти в изучении советской субъективности от бинарного принципа «подавление-сопротивление». По мнению ученого, «нормальный» советский человек не поддерживал систему и не был к ней оппозиционен, а воспроизводил только форму идеологических высказываний системы, изменяя их смысл, и таким образом сохранял автономию от государства.

Методологические приемы постмодернизма, основанные на восприятии человека как лингвистической конструкции, неотличимой от сформировавшей его политической системы, вызывали возражения как зарубежных, так и российских ученых (С. Бойм, К.Б. Уль, А.М. Эткинд и др.). Например, С. Бойм солидаризировалась с Х. Аренд в характеристике профессионального мышления западных интеллектуалов-профессионалов и их российских последователей как теоретически обоснованных, но исторически неточных. Теория, по наблюдениям исследовательниц, зачастую используется в новейших трудах историков и советологов «не для расширения границ познания, а, скорее, в чисто утилитарных целях: теория становится своего рода "прибавочной стоимостью" академического продукта, делая его более привлекательным». С. Бойм призывала коллег к большей исторической ответственности перед материалом анализа и «одновременно включенности в мир за пределами дисциплинарных рамок» [4].

Сегодняшняя ориентация на новаторские методы исследований, стимулирующая индустрию новых подходов к истории, по справедливому наблюдению С. Бойм, имеет очевидные достоинства и существенные риски. Безусловно, «новаторские теоретические и философские подходы открывают новые ракурсы, ведут к необходимой историографической рефлексии, помогают отстранить клише и снять табу на определенные типы исследования», однако таят в себе опасность беспрерывного конструирования все новых теоретических схем и моделей, находящихся «в очень опосредованных отношениях с личным или историческим опытом» [4]. Риск отступить от исторической точности ради оригинальных концепций в таком случае весьма велик. Одним из негативных результатов может оказаться научная непроработанность проблем, ошибочно кажущихся разрешенными, как, например, проблема культурно-антропологической типологии советских диссидентов. В 1970-е гг. С.Д. Довлатов в художественной прозе иронизировал над неразличимостью советского и антисоветского типа личности [10, с. 20]. В 1980-е гг. это суждение поддержали П.Л. Вайль и А.А. Генис в книге «60-е. Мир советского человека» [5]. Характеристика инакомыслящих по советскому культурно-антропологическому типу, данная «шестидесятниками» всякий раз со значительной долей самокритики, проникла в современное научное сознание и прозвучала как аксиома в книге А.В. Юрчака [23]. К сожалению, представив партийных активистов и диссидентов зеркальным отражением друг друга, автор создал, по оценке К. Платта и Б. Натанса, «такое впечатление о диссидентстве, которое граничит с карикатурой» [17].

Специфика антропологических концепций постмодернизма и некоторые методологические изъяны отдельных работ не снижают значимости найденного подхода к анализу типологии советского

человека вообще и диссидента как его органичного воплощения. Следует признать, что методика идентификации определенного сообщества через дискурсивные практики весьма продуктивна.

В отечественной науке существует давняя и основательная традиция понимания культуры как совокупности языковых кодов. Представители Тартусско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский и др.) и их современные последователи (И. Паперно) не ограничиваются анализом дискурсивных и поведенческих практик, реконструируют типологию личности во взаимосвязи с социокультурными тенденциями эпохи, умело избегают схематизации при толковании человека и культуры, не преодоленной сторонниками школы «советской субъективности» [16].

Желание ученых расширить представление о спектре стратегий и тактик поведения «советского человека» стимулирует в последние годы анализ конформизма как социокультурного феномена. Исследователи доказывают зависимость биографии от социально-идеологических воздействий, характеризуют неоднозначность жизненных позиций и поведенческих моделей советских людей, подвижность границ между адаптацией и интериоризацией. Например, Т.А. Круглова на примере биографии С.С. Прокофьева выявила социальную ангажированность творческой личности, при которой «художник предстает активным участником обмена ресурсами, используя множество стратегий для увеличения своего символического капитала» [14]. Работы данного направления обогащают научное понимание культурно-антропологического типа «советский человек», помогают преодолеть узко тенденциозные оценки таких сложных и неоднозначных явлений, как конформизм и нонконформизм.

Внимание к разнообразным культурным практикам советских людей, включая адаптивные, совпадает с изменением научного дискурса в культурологии последних лет – от академических исследований к прикладным. Это выразилось в смещении приоритетов: ученые, стремясь осмыслить будничную реальность, создававшую не только фон, но и культурную среду, обратились к изучению повседневно-бытовых практик советских людей. У данного направления были предшественники – П.Л. Вайль и А. А. Генис, наметившие парадигму научных работ такого типа в упомянутой выше книге «60-е. Мир советского человека». Хотя авторы разных поколений анализировали представителей различных социальных групп (Вайль и Генис описывали культурные практики советской интеллигенции, современные культурологи – массового человека), работы сближает трактовка повседневности как пространства формирования социокультурной идентичности.

Повседневная культура «оттепели» дает основания выявлять скрытый протестный пафос, иногда не вполне отрефлектированный, в поведении и образе жизни различных сообществ: стилиг, хиппи, членов туристических клубов, КСП и прочее. Однако не всякое явление исчерпывается повседневным осмыслением. Сосредоточившись на «частном человеке» как субъекте культурных трансформаций, аналитики явно преувеличили степень оппозиционности, растворенной в повседневно-бытовых практиках. Стилиги, хиппи, барды и другие молодые бунтари не претендовали на статус борцов с системой и вполне довольствовались отвоєванными «островками свободы». В свою очередь идентичность «частный человек» не была типична для диссидентов, производивших самоидентификацию в категориях «гражданин» и «общественный деятель». Очевидно, что данная система координат не соответствует объекту исследования.

Таким образом, исследования советского диссидентства необходимо продолжить. Один из возможных подходов к феномену – характеристика дискурсивных практик диссидентов, что позволит оценить не только специфику дискурса как способа самопрезентации сообщества, но и выявить уникальность индивидуально-личной и коллективной идентичности советских диссидентов 1960-70-х годов.

Продуктивность такого подхода объясняется рядом причин:

1. Значительным литературно-публицистическим наследием диссидентов. «Диссидентоцентризм» 1990-х гг. выразился, в частности, в массовом издании эго-текстов (воспоминаний, автобиографий, дневников). Значительная часть этих текстов по сей день недостаточно прокомментирована.

2. Особой ролью литературно-публицистического высказывания в социальной практике диссидентов. Очевидно, что литературно-публицистическая деятельность входила в социальную практику как ее инвариант наряду с другими формами самовыражения (демонстрациями, митингами, специальными комитетами и проч.). Самопрезентация автора согласовывалась с коллективной идентичностью: диссиденты позиционировали себя выразителями протестных настроений советских граждан. Этим объясняется специфика диссидентского дискурса: высокая степень идеологической заряженности, ограниченность тем, однозначность их трактовок, художественная неоднородность материалов, ориентация на узкий круг читателей;

3. Показательностью диссидентского дискурса для характеристики самосознания сообщества. Тексты диссидентов полифункциональны. Авторские задачи включали критику власти, моделирование альтернативных вариантов развития страны («почвеннического», либерально-демократического и др.), прогноз социально-политических перспектив, контрпропаганду, информирование читателей о целях и задачах оппозиционного движения, мобилизацию оппозиционеров. Задачи рождали авторские стратегии – защиту единомышленников, дискредитацию идейных противников, легитимацию неконформистской модели писательского и гражданского поведения. Автобиографии диссидентов и их отчеты о судах над инакомыслящими показательны для оценки самопрезентации сообщества. Авторы эго-текстов стремились подтвердить этическую и общественную значимость жизненного пути оппозиционера, укрепить социальный статус сообщества. В отчетах о судах над инакомыслящими – склонить общественность в пользу осужденных, выявить нравственную и правовую несостоятельность обвинений в их адрес. Идентифицируя себя как представителя преследуемого сообщества, автор избирал адекватные поведенческие стратегии – конкуренцию с идейными противниками и защиту единомышленников.

Дальнейший анализ текстов самиздата позволит выявить динамику самосознания диссидентского сообщества и осмыслить его главное свойство – отчуждение. Это кризисное состояние сознания свидетельствует о кризисе коллективной идентичности, имевшем комплексное выражение: в историческом сознании диссидентов возникло ощущение бесперспективности попыток реформирования существующей социальной системы, эсхатологические прогнозы развития социализма, мифологические («почвеннические») или утопические («западнические») проекты будущего. Отчуждение от страны и народа сопровождалось герметизацией сообщества, смещением адресата с «рядовых» советских граждан на мировую общественность, истощением тезауруса.

Подведем итог: анализ текстов самиздата, проведенный с культурологических позиций, предполагает новую постановку проблемы: исследование аксиологии сообщества, авторских стратегий, реализованных в литературно-публицистических практиках, и выявление специфики самосознания сообщества. Данный подход к феномену позволит дать новую парадигму изучения советского диссидентства и преодолеть схематизм в оценке диссидентства последних десятилетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю.В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 622 с.
2. Александр Гинзбург: русский роман / авт.-сост. В. И. Орлов. М.: Русский путь, 2017. 792 с.
3. Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953-1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
4. Бойм С. Как сделана «советская субъективность»? // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 285-296. URL: <https://muse.jhu.edu/issue/30932> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 368 с.
6. Ванюков Д.А. Хрущевская оттепель. М.: Мир книги, 2007. 239 с.
7. Вигдорова Ф.А. Право записывать / сост. Е.И. Вигдорова, А.А. Раскина. М.: АСТ, 2017. 416 с.
8. Всемогущий Сталин. Советолог Арч Гетти о личности вождя и историческом ревизионизме // *Lenta.ru*. 2016. 17 января. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/17/stalin/2016> (дата обращения 19.07.2019).
9. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407 с.
10. Довлатов С.Д. Ремесло // *Собр. соч.*: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2003. Т. 3. С. 7-179.
11. Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-60-е годы. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 398 с.
12. Королёва Л.А., Королёв А.А. Диссидентство в СССР: историко-правовые аспекты (1950-1980-е гг.): учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 276 с.
13. Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущёве и Брежнев, 1953-1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М.: Материк, 2005. 429 с.
14. Круглова Т.А. Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: о советском художественном конформизме // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 4 (96). С. 182.
15. Митрохин Н.А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
16. Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.; Её же. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // *Новое литературное обозрение*. 2004. № 68. С. 102-128.

17. Платт К.М.Ф., Натанс Б. Социалистическая по форме, неопределенная по содержанию: позднесоветская культура и книга Алексея Юрчака «Все было навечно, пока не кончилось» // Новое литературное обозрение. 2010. № 1. С. 167-184.
18. Поэтка. Книга о памяти: Наталья Горбаневская / авт.-сост. Л.Е. Улицкая. М.: АСТ, 2014. 414 с.
19. Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб; М.: ЕУСПб, Летний Сад, 2002. 507 с.
20. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.
21. Berglund K. The Vexing Case of Igor Shafarevich, a Russian Political Thinker. Basel: Birkhäuser, 2012. 539 p.
22. Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. July 2001. P. 340.
23. Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 407 p.

Поступила в редакцию 26.12.2022

Серебрякова Елена Геннадьевна, доктор культурологии, доцент кафедры истории философии и культуры ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394000, Россия, г. Воронеж. Университетская площадь, 1
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru

E.G. Serebryakova

TRANSFORMATION OF SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF SOVIET DISSIDENCE IN THE 1960s AND 70s

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-2-387-394

The article presents the dynamics of scientific understanding of dissidence. The author identifies several stages of scientific reflection and analyzes the specifics of various approaches to the phenomenon. In the West, the first stage occurred in the 1960-70s. This was the period of the emergence of dissidence in the Soviet Union. Representatives of the "totalitarian school" were in solidarity with the oppositionists in their struggle against the Soviet government. This position determined the specifics of scientific discourse: the analysis of political practices of dissidents was combined with the glorification of oppositionists, the Soviet system was assessed as totalitarian and inhumane. The "revisionists" of the 1970-80s considered the opposition of some citizens as a universal property of industrial society both in Europe and in the Soviet Union. In Russian science, the study of dissidence began in the second half of the 1980s and was a paraphrase of Soviet historiography: the dissident movement was interpreted as a stage of the revolutionary struggle. The postmodern approach to the typology of the Soviet man, which developed at the turn of the XX-XXI centuries, proclaimed man a linguistic construct, did not distinguish between official and oppositional discourses. Postmodernists have interpreted dissidents as an invariant of party ideologues. In modern science, interest in the study of dissidence has decreased. But the study of dissident discourse can provide a new direction for research and overcome the schematism of the postmodern approach to the phenomenon.

Keywords: Soviet nonconformism, dissidents, dissident discourse.

REFERENCES

1. Aksyutin Yu.V. Hrushchevskaya ottepel' i obshchestvennye nastroyeniya v SSSR v 1953-1964 gg. [Khrushchev thaw and public sentiment in the USSR in 1953-1964.] M.: ROSSPEN; Fond "Prezidentskij centr B.N. El'cina" [Foundation "Presidential Center of B.N. Yeltsin"]. 2010. 622 p. (In Russian).
2. Aleksandr Ginzburg: russkij roman / avt.-sost. V.I. Orlov. [Alexander Ginzburg: Russian novel / ed. V.I. Orlov] M.: Russkij put' [Russian way], 2017. 792 p. (In Russian).
3. Blyum A.V. Kak eto delalos' v Leningrade. Cenzura v gody ottepli, zastoya i perestrojki. 1953-1991 [How it was done in Leningrad. Censorship in the years of thaw, stagnation and perestroika. 1953-1991]. SPb.: Akademicheskij proekt, 2005. 296 p. (In Russian).
4. Bojm S. Kak sdelana «sovetskaya sub"ektivnost'»? [How is "Soviet subjectivity" made?] // Ab Imperio. 2002. № 3. Pp. 285-296. URL: <https://muse.jhu.edu/issue/30932> (data obrashcheniya: 10.12.2022). (In Russian).
5. Vajl' P.L., Genis A.A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. [60s. The world of the Soviet man]. Izd. 3-e. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review], 2001. 368 p. (In Russian).
6. Vanyukov D.A. Hrushchevskaya ottepel' [Khrushchev thaw.] M.: Mir knigi, 2007. 239 p. (In Russian).

7. Vigdorova F.A. Pravo zapisyvat' [The right to record] / sost. E. I. Vigdorova, A. A. Raskina. M.: AST, 2017. 416 p. (In Russian).
8. Vsemogushchii Stalin. Sovetolog Arch Getti o lichnosti vozhdya i istoricheskom revizionizme [Almighty Stalin. Sovietologist Arch Getty on the Personality of the Leader and Historical Revisionism] // Lenta. ru. 2016. 17 yanvarya. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/01/17/stalin/2016> (data obrashcheniya 19.07.2019). (In Russian).
9. Goryaeva T.M. Politicheskaya cenzura v SSSR. 1917-1991 gg. [Political censorship in the USSR. 1917-1991] M.: ROSSPEN, 2009. 407 p. (In Russian).
10. Dovlatov S.D. Remeslo [Craft] // Sobr. soch.: v 4 t. SPb. : Azbuka-klassika, 2003. T. 3. S. 7-179. (In Russian).
11. Zezina M.R. Sovetskaya hudozhestvennaya intelligenciya i vlast' v 1950-60-e gody. [Soviet artistic intelligentsia and power in the 1950s and 60s.] Moskva: Dialog-MGU, 1999. 398 p. (In Russian).
12. Korolyova L.A., Korolyov A.A. Dissidentstvo v SSSR: istoriko-pravovye aspekty (1950-1980-e gg.): uchebnoe posobie. [Dissidence in the USSR: historical and legal aspects (1950-1980s): textbook.] M.: 276 p. (In Russian).
13. Kramola. Inakomyслиe v SSSR pri Hrushchyove i Brezhneve, 1953-1982 gg. Rassekrechennyye dokumenty Verhovnogo suda i Prokuratury SSSR [Sedition. Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev, 1953-1982 Declassified documents of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR] / pod red. V A. Kozlova i S.V. Mironenko. M.: Materik, 2005. 429 p. (In Russian).
14. Kruglova T.A. Soblazny so realizma, popytki «zavisti», upoenie prichastnost'yu: o sovetskom hudozhestvennom konformizme [The temptations of socialist realism, attempts to “envy”, the intoxication of involvement: about Soviet artistic conformism] // Neprikosnovennyj zapas [Emergency reserve]. 2014. № 4 (96). P. 182. (In Russian).
15. Mitrohin N.A. Russkaya partiya: Dvizhenie russkikh nacionalistov v SSSR. 1953-1985 gody [Russian Party: The Movement of Russian Nationalists in the USSR. 1953-1985 years]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2003. 624 p. (In Russian).
16. Paperno I.A. Semiotika povedeniya: Nikolaj Chernyshevskij – chelovek epohi realizma. [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky is a man of the era of realism]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 1996. 207 p.; Eyo zhe. Sovetskij opyt, avtobiograficheskoe pis'mo i istoricheskoe soznanie: Ginzburg, Gercen, Gegel' [Her own. Soviet experience, autobiographical writing and historical consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2004. № 68. P. 102-128. (In Russian).
17. Platt K.M.F., Natans B. Socialisticheskaya po forme, neopredelennaya po sodержaniyu: pozdnesovetskaya kul'tura i kniga Alekseya Yurchaka «Vse bylo navechno, poka ne konchilos'» [Socialist in form, indefinite in content: late Soviet culture and the book of Alexei Yurchak “Everything was forever until it ended”] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2010. No. 1. P. 167-184. (In Russian).
18. Poetka. Kniga o pamyati: Natal'ya Gorbanevskaya [Poetka. Book about memory: Natalia Gorbanevskaya] / avt.-sost. L.E. Ulickaya. M.: AST, 2014. 414 p. (In Russian).
19. Kharkhordin O.V. Oblichat' i licemerit': genealogiya rossijskoj lichnosti [Reveal and hypocrisy: the genealogy of the Russian personality]. SPb; M.: EUSPb, Letnij Sad [Summer Garden]. 2002. 507 p. (In Russian).
20. Yurchak A.V. Eto bylo navseg da, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. [It was forever until it ended. The last Soviet generation] M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2016. 664 p. (In Russian).
21. Berglund K. The Vexing Case of Igor Shafarevich, a Russian Political Thinker. Basel: Birkhäuser, 2012. 539 p. (in English).
22. Hellbeck J. Working, Struggling, Becoming: Stalin-Era Autobiographical Texts // Russian Review. July 2001. P. 340 (in English)
23. Kharkhordin O. The Collective and the Individual in Russia. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 407 p. (in English).

Received 31.12.2022

Serebryakova E.G., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
at Department of History of Philosophy and culture
Voronezh State University
Universitetskaya square, 1, Voronezh, Russia, 394000
E-mail: Serebrjakova@phipsy.vsu.ru